

УДК 342.56

СОВЕСТНЫЕ СУДЫ В ИСТОРИИ ЮВЕНАЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ

Харсеева О. В.

Курский государственный университет, г. Курск, Россия

В статье раскрываются организационно-правовые основы функционирования совестных и ювенальных судов в Российской империи XVIII–XIX веков: нормативно-правовая база, цель, задачи, принципы организации и деятельности, состав. Выводы построены на основе анализа правоприменительной практики Таврического совестного суда, Курского совестного суда, Херсонского совестного суда, Волынского совестного суда. Автор утверждает, что принципы, положенные в основу совестного правосудия, в полной мере отражали философию эпохи Просвещения: понятие «справедливость» трактовалось не как представление о справедливости населения конкретной местности, а имело универсальный характер; принцип «милосердия» по отношению к подсудимым несовершеннолетним нарушался верховной властью, утверждавшей приговоры данного суда; отношение населения к совестному правосудию было неоднозначным. Тем не менее совестные суды создали необходимую для специализированного правосудия в отношении несовершеннолетних правоприменительную базу, что делало появление ювенального суда естественным процессом буржуазных преобразований XIX века. Базовые принципы деятельности отечественного ювенального суда: гуманизм, справедливость, подход к решению судьбы несовершеннолетнего – были схожи с совестным судопроизводством, что говорит о преемственности их организационно-правовых моделей.

Ключевые слова: совестный суд, судебная реформа, ювенальная юстиция, суд в провинции, Таврическая губерния, Курская губерния.

Совестный суд в истории отечественного правосудия является одним из наиболее интересных, неоднозначно оцениваемых и в наибольшей степени испытавших влияние западной политико-правовой мысли эпохи Просвещения судебных учреждений XVIII – начала XIX века.

В ходе изучения правовой базы деятельности и правоприменительной практики совестного суда уже дореволюционные ученые объявляли данный институт заимствованным из зарубежной практики. В частности, Г. М. Барац (1835–1922) в своем труде «Очерк происхождения и постепенного затем упразднения в России совестных судов и суда по совести» находил существенные сходства в правовом регулировании деятельности отечественного совестного суда с малороссийским (третейский суд) и английским (суд справедливости) законодательством [1].

Значительное влияние суда лорда-канцлера на содержание деятельности российского совестного суда отмечают также современные специалисты в области данной проблематики – Н. Н. Ефремова и С. В. Лонская [2; 3]. Несмотря на различия в подсудности суда справедливости и совестного суда, их в значительной мере объединяет осуществление правосудия по совести и справедливости в дополнение к действующему законодательству.

В связи с вышесказанным отметим, что путь преобразования механизма государства в духе европеизации, да и вообще заимствования зарубежного опыта, был

не нов и вполне приемлем для России данного периода. Увлечение идеями просветителей эпохи буржуазных революций в правящих кругах и вовсе делало заимствование европейских образцов естественным и даже в ряде случаев необходимым.

В настоящее время отечественный и зарубежный опыт совестного правосудия привлекает все большее количество современных ученых. Позволим себе предположить, что такое внимание в значительной мере обусловлено «возрождением» интереса к разного рода концепциям прав человека, «естественной справедливости», становлением в современной России институтов гражданского общества, заметным сближением англо-саксонского и романо-германского права. Кроме того, среди современных исследований данной проблематики все более заметным становится региональный подход, позволяющий подробно изучить конкретный опыт совестного правосудия на основе анализа архивных материалов. В частности, особенности деятельности совестного суда были изучены в рамках Новгородской губернии [4], Пермской и Вятской губерний [5], Тамбовской губернии [6], Сибири [7], Вологодской губернии [8], Саратовской губернии [9], Уфимской губернии [10], Таврической области [11] и др. К данной проблематике также обращаются на региональных научных конференциях [12].

К сожалению, современная наука не располагает данными правоприменительной практики, которые в целом свидетельствовали бы об успешности функционирования данного института. Очевидно, современники сталкивались со сложностями реализации норм в условиях самодержавия и крепостничества, в основе которых лежал недостижимый идеал «естественной справедливости». Как отмечал В. О. Ключевский, в период царствования Екатерины II не наберется и десятка дел, рассмотренных в совестных судах [13, с. 305]. Это образное выражение отражало проблемы функционирования данного института. Так, изучение архивных материалов о деятельности Нижегородского совестного суда позволило исследователям обратить внимание на тот факт, что из года в год количество решенных данным судом дел росло: в 1808 году было рассмотрено 20 дел, а в 1847 году уже 61 [14]. О востребованности данного правосудия говорит факт создания совестного суда в Крыму, где совестный суд Таврической губернии, будучи созданным практически сразу после присоединения полуострова к империи, просуществовал вплоть до Судебной реформы 1864 года [15, с. 82]. При этом в Ярославской губернии совестные суды не пользовались такой популярностью и фактически прекратили свою деятельность; практически все решения совестного суда Казанской губернии были либо обжалованы, либо не исполнены сторонами [16, с. 123].

Изучение правовой основы деятельности данных судов, целей и задач данного правосудия позволяет современному исследователю проводить аналогии и сравнения с третейским судом [17], мировым судом [18, 19, 20] и ювенальным судом [21, 22].

В данной работе нам бы хотелось обратиться к опыту отечественного правосудия в отношении несовершеннолетних в рамках деятельности совестного суда и попытаться выявить преемственность организационно-правовой модели рассмотрения дел с участием несовершеннолетних в рамках изучения истории становления ювенального правосудия в России.

Для начала необходимо остановиться на основных особенностях модели совестного суда.

Институт совестного суда был введен Екатериной II в 1775 году после издания «Учреждений для управления губерний Всероссийской империи» (далее – Учреждения) [23]. Данный суд, согласно ст. 395 Учреждений, вводился в каждом наместничестве. Был установлен следующий состав совестного суда: назначаемый судья (в качестве председателя) и выборные сроком на три года в количестве двух человек: а) дворяне данной губернии (заседали по дворянским делам); б) горожане от городов данной губернии (заседали по городским делам); в) селяне от селений данной губернии (заседали по расправным делам). Требованиями, предъявляемыми к членам совестного суда, были: добросовестность, знание законов, образованность (ст. 396 Учреждений).

Совестный суд, как и иные суды Империи, должен был судить на основании законов. Специфику данному суду придавали особенные принципы, положенные в основу его деятельности: «человеколюбие вообще», «почтение к особе ближнего, яко человеку», «отвращение от угнетения или притеснения человечества» (ст. 397 Учреждений).

Будучи создан как институт монаршей милости, о чем было сказано в ст. 395 Учреждений («... личная безопасность каждого подданного весьма драгоценна есть человеколюбивому монаршему сердцу...»), совестный суд обладал весьма специфической юрисдикцией. Он должен был в случае обращения к нему рассматривать дела преступников, которые совершили преступления под влиянием жизненных обстоятельств и несли наказание более суровое, чем совершенное ими деяние («... преступников, кои иногда более по несчастливому какому нинаест приключению, либо по стечению различных обстоятельств впали в прегрешения, судьбу их отягчающие выше мер ими содеянного...»), «безумных», малолетних, а также колдунов и колдовства вообще, так как в этих действиях заключается «глупость, обман и невежество» (ст. 399 Учреждений).

Основной задачей совестного суда был «совестный разбор и осторожное и милосердное окончание дел ему порученных» (ст. 397 Учреждений). Для этого в судопроизводство совестного суда была введена процедура примирения сторон. Следует отметить, что законодатель предусмотрел широкие возможности для того, чтобы это примирение состоялось. Так, если стороны самостоятельно не шли на примирение, суд обязывал их предоставить по одному–два посредника, проживающих в данной местности, которые будут вместе с совестным судом рассматривать дело и изыскивать средства к примирению сторон. Если же посредники не могли найти возможности к примирению истца и ответчика, то совестный суд должен был предложить им способ как примириться «без разорения, без тяжбы, без спора, ссоры или ябеды истца и ответчика». В последнем случае суд должен был действовать, исходя из следующих правил: а) «доставить обеим сторонам законную, честную и безтяжебную жизнь»; б) «злобы, распри и ссоры прекратить»; в) «доставить каждому ему принадлежащее»; г) примирить спорящих. Если посредники не принимали данные способы, то они поступали на рассмотрение истцу и ответчику. В случае, если все эти примирительные процедуры не приводили к мировому соглашению, суд должен был прекратить производство и отослать данное дело по подсудности в другие судебные инстанции (ст. 400 Учреждений). Если стороны были недовольны решением совестного суда, согласно Учреждениям, они могли обратиться с жало-

бой в Вышний совестный суд. На практике же решения совестных судов попадали на утверждение губернатору или самому императору.

Таким образом, функционирование совестных судов было основано на следующих принципах: добровольность – дело из совестного суда начиналось по обращению и по решению сторон, могло быть передано в суд общей юрисдикции; справедливость – решения суда должны были носить компромиссный для обеих сторон характер; примирение сторон – судебный процесс должен был заканчиваться мирным соглашением сторон. Ряд современных исследователей отмечает, что провозглашение данных принципов судопроизводства в период Просвещенного абсолютизма – это не что иное, как «закономерное явление, возникающее в результате достижения определенного уровня развития гражданского общества, требующего от государства создания механизмов разрешения правовых конфликтов, которые бы основывались на народных представлениях о добре и зле, справедливости, а также преследовали своей целью сохранение мира» [24, с. 287]. Согласимся с автором данного высказывания в том, что «альтернативные формы разрешения правовых конфликтов существовали еще в древние времена и были распространены во многих государствах, в том числе и в России» [24, с. 287], однако отметим, что институт гражданского общества – это институт общества цивилизованного, современного, и вряд ли стоит его отождествлять с демократическими институтами ранних государств. Не стоит также обольщаться, что развитие российского общества эпохи Просвещенного абсолютизма настолько продвинулось в становлении гражданского общества в условиях абсолютной монархии, что были провозглашены указанные принципы. Скорее это дань европейской моде, элемент внешней политики российской императрицы и проч. Хотя нельзя отрицать становление философии гражданского общества в данный период времени, распространявшейся среди передовой общественности. В результате вполне естественно, что государство, представляя собой абсолютную монархию, стремилось самостоятельно разрешать даже малозначительные конфликты, не делегируя властные полномочия органам местного самоуправления, что выразилось, в частности, в назначении судей совестных судов короной.

Изучение судебной системы эпохи Екатерины II позволяет прийти к однозначному выводу о том, что совестные суды должны были создать альтернативу формализованному государственному правосудию, допустив достаточную свободу действиям сторон в ходе судебного разбирательства. Однако понятие «справедливость» не трактовалась однозначно как представление о справедливости самого народа или жителей определенной местности, где учреждался данный суд, а должно было содержать, в том числе, универсальные истины. Это, в частности, заметно, когда решения принимались в отношении несовершеннолетних. Обратимся к примеру данного производства в совестном суде Таврической области. В 1791 году здесь рассматривалось дело малолетней поселянки слободы Кардашиновки Е. Чайкиной, обвиняемой в убийстве мужа. После прохождения ряда инстанций судов общей юрисдикции дело было передано в совестный суд. В свою очередь суд, изучив материалы дела, вынес решение о передаче подсудимой на церковное покаяние епископу Феодосийскому и Мариупольскому, после чего определил ее в дом для умалишенных. Обращает на себя внимание тот факт, что суд общей юрисдикции предпринял значительные усилия для определения возраста обвиняемой, выясняя правду о наличии

родителей и опрашивая соседей [11, с. 116]. В данном случае в работе судов общей юрисдикции наблюдается стремление сообразности права лица, не достигшего полной дееспособности, вследствие чего оно не могло отдавать отчет в своих действиях, а решение совестного суда, очевидно, было вынесено на основании принципов «милосердия» и справедливости.

Заметим, что выделение рассмотрения дел с участием несовершеннолетних в отдельное производство совестного суда не стало неожиданным шагом законодателя. Стремление к выделению данной категории правонарушителей в отдельную группу законодатель демонстрировал и ранее. Так, в 1742 году смертная казнь, пытки и кнут для лиц, не достигших 17 лет, были заменены публичным телесным наказанием плетьюми, батогами, заковыванием в кандалы и ссылкой в монастыри на 15 лет для использования на тяжелых работах [25]. Правда, вскоре данный указ по настоянию Синода был отменен, так как смягчение наказания для детей старше двух лет противоречило церковным правилам [26]. В 1765 г. был подписан новый указ, определявший порядок ответственности малолетних преступников. Для лиц, не достигших 10-летнего возраста, устанавливалась полная невменяемость. Указ повелевал отдавать их для наказания отцам, матерям или помещику, «и те сделанные ими в малолетстве преступления впредь ни в какое подозрение им не считать». Для лиц от 10 до 17 лет допускалось смягчение наказания, причем об обвиняемых в преступлениях, влекущих смертную казнь или кнут, предписывалось «с описанием всех потребных обстоятельств представлять Сенату, где с ними поступано быть имеет по благоусмотрению и по мере их вин». Обратим внимание, что этот Указ не публиковался, чтобы «через сей способ не подать соблазну и поводу другим злонаправленным и безрассудным людям и чтобы малолетние от противных указам преступков более остерегались» [27].

Возвращаясь к вопросу о реализации в деятельности совестных судов принципов справедливости и «милосердия», считаем показательным пример рассмотрения дела с участием несовершеннолетних, состоявшееся в 1829 году в совестном суде Курской губернии. Обстоятельства дела были следующие: три дворовые девушки, горничные – Федосья Ирванская, Анна Семенова и Аксинья Голубова, обвинялись в убийстве своей барыни, жены помещика Белгородского уезда Ильи Челюскина Надежды. Федосья и Анна были совершеннолетними, а Аксинье было всего 14 лет. В ходе расследования было установлено, что девушки заранее готовили данное преступление. Ночью Федосья позвала подруг: «Пойдем в спальню, пора душить барыню». Они «вошли в спальню и бросились на кровать, из них Анна – на навзничь лежащую барыню, навалила на ее лицо две подушки и села на них сама, Федосья села на грудь барыни, а Аксинья села на ноги, и начали душить, в какое время барыня захрипела, разметывала руками, ворочалась, но не могла из-под них вывернуться, давили ж они ее с четверть часа...». Дело Федотьи и Анны рассматривал земский уездный суд и Курская палата уголовного суда, дело Аксиньи было передано в совестный суд. В дело также оказались вмешанными еще две несовершеннолетние: 13-летняя Дарья Воронцова, вбежавшая на шум в спальню Челюскиной, и ее 11-летняя сестра Авдотья, которая слышала, что происходит в спальне, но не подняла тревоги. В итоге совестный суд присудил Аксинью и Дарью к наказанию плетьюми и высылке в Сибирь на поселение, а Авдотью – к наказанию розгами. Следуя чувству милосердия, курский губернатор Лесовский не утвердил приговор о

наказании плетью и обратился к министру юстиции о замене данного наказания розгами. Однако данное ходатайство было отклонено по решению Николая I, который отметил, что «Государь император... повелеть сверх того соизволил, чтобы несовершеннолетним девкам Дарье и Авдотье Ворониным, оставленным на месте жительства, по наказанию сделано было чрез приходского священника надлежащее увещание для вразумления их в важности того преступления, в коем оне по неосторожности своей едва не сделались участниками...» [28, л. 7, 11–26, 43]. Обращает на себя внимание тот факт, что в ходе судебного разбирательства все подсудимые объясняли свой жестокий поступок отчаянием, которое их охватило из-за издевательств помещицы. Однако такая аргументация не вкладывалась в понятие «справедливости» крепостнической России и не способствовала проявлению «милосердия» к малолетним лицам.

Другой пример стремления высших органов власти ужесточить наказание несовершеннолетнему – дело, которое рассматривалось Херсонским совестным судом. Так, в 1820 году 10-летний Константин Линчевский застрелил из отцовского ружья 14-летнюю девушку – прислугу своего отца, полковника в отставке. Изучая все обстоятельства его дела, Сенат пришел к выводу, что Линчевский совершил преступление из-за необразованности и невоспитанности, в которых виноваты его родители, и согласился с решением Херсонского совестного суда отдать несовершеннолетнего в Херсонское военно-сиротское отделение для обучения, а по достижении совершеннолетия – на покаяние на срок, который определит духовенство. При этом министр юстиции, в свою очередь, предлагал ужесточить наказание малолетнему: отправить его в наиболее отдаленное место для получения образования, а по завершении обучения направить на военную службу рядовым и не повышать в звании, пока не будет уверенности в его «благонравии и кротости характера». Спор между министром и Сенатом вынужден был решать Государственный Совет, который принял сторону Сената [29, с. 102]. Этот пример является показательным в отношении двух обстоятельств: во-первых, высшая власть даже спустя десятилетия после создания совестных судов не готова была с легкостью проявлять «милосердие», в том числе по отношению к малолетним, а во-вторых, совестные суды, напротив, включали в свою практику применение мер воспитательного воздействия на малолетнего преступника.

Решение Волынского совестного суда наглядно демонстрирует возможности совестного суда осуществлять особое производство и «милосердие» в отношении несовершеннолетних. Так, в 1839 году ученик губернской гимназии в Житомире Антон Чоповский украл золотые часы, чтобы продать и рассчитаться с продавцом мороженого, которому задолжал определенную сумму денег. Суд полностью выполнил предписания по выявлению причин и обстоятельств дела, обнаружил психологические черты личности правонарушителя, наличие подстрекателя и вынес мягкий приговор, учитывая: безупречное до этого момента поведение подсудимого, его несовершеннолетие, совершение преступления впервые, побуждения к преступлению угрозой наказания со стороны взрослого, уже полученное наказание в виде исключения из гимназии, соотнесение тяжести содержания под стражей со степенью опасности совершенного преступления. Решением суда стала передача подсудимого под надзор его отца [29, с. 105–106].

Изучив данные факты, особенности реализации совестным судом своих функций, принципы, положенные в основу его деятельности, а также законодательство XVIII века, регулирующее порядок производства в отношении несовершеннолетних, мы можем сделать заключение о том, что в России XVIII века под влиянием опыта европейских стран стали складываться организационно-правовые основы системы ювенальной юстиции, идеи о необходимости которой получили широкое распространение как в Западной Европе и Америке, так и в России в XIX веке, что в итоге привело к созданию специализированного «детского» суда. Так, принципы и нормы, положенные в основу совестного правосудия в части разбирательств с участием несовершеннолетних, получили свое развитие в российском законодательстве XIX века. Так, смягчение наказания малолетним преступникам, установленное в XVIII веке, позволило законодателю пойти дальше и в Своде законов Российской империи, изданном в 1832 году, закрепить положение, согласно которому «вина преступления, учиненного в малолетстве, уменьшается, и наказание ослабляется» [30, ст. 126], таким образом поставив виновность лица в зависимость от его возраста. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года определило качественную характеристику минимального возраста уголовной ответственности – неспособность осознать свойства совершаемого деяния [31, ст. 142].

Совокупность норм, смягчавших наказание несовершеннолетних, позиция передовой общественности в этом вопросе привели к постепенному складыванию на протяжении XIX века в России элементов ювенальной юстиции в ее широком понимании. Во-первых, существенное развитие получили нормы, регулирующие правовой статус несовершеннолетних, содержащиеся в разного рода актах: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и последующих редакций – данный акт закрепил возможность применения судьей, в том числе совестного суда, по его усмотрению «веера» наказаний в отношении несовершеннолетнего: заключение в монастыре, размещение несовершеннолетних в особых помещениях при тюрьмах и арестных домах, применение мер домашнего исправления; Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 года, Устав уголовного судопроизводства 1864 года, Закон от 5 декабря 1866 года «Об исправительных приютах», Закон от 2 февраля 1893 года «О предоставлении исправительным приютам права заключать условия об отдаче выпускаемых воспитанников в наем или обучение», Закон от 8 февраля 1893 г. «Об изменении порядка заключения и пересылки несовершеннолетних, состоящих под следствием и судом», Закон от 2 июня 1897 года «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений о их наказуемости», Закон от 19 апреля 1909 г. «О воспитательных исправительных заведениях для несовершеннолетних» [32; 33; 34; 35; 36] и ряда иных.

Во-вторых, широкое развитие получила общественная самодеятельность в отношении несовершеннолетних правонарушителей, выразившаяся в создании сети воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних преступников, системы патроната за осужденными. И, наконец, в-третьих – в создании специализированных «детских» судов.

Как известно, первый «детский» суд в России начал свою работу 21 января 1910 года [37, с. 122]. Действовал он в рамках мировой юстиции, что означало рассмотрение дела одним судьей в упрощенной форме и позволяло избегать т. н. «об-

рядности» правосудия. Кроме того, появилась возможность предъявить определенные дополнительные требования к данному судье, например наличие знаний в области детской психологии. Поскольку данный суд возникал не повсеместно, а в первую очередь по инициативе передовой общественности определенной местности путем выделения добавочного мирового судьи, судьями становились настоящие энтузиасты, имевшие представление об особенностях «детского» правосудия, изучавшие зарубежный опыт в данной сфере, понимавшие всю важность своей миссии в деле гуманизации судебного процесса в отношении в первую очередь несовершеннолетних, понимавшие роль суда в деле исправления юных правонарушителей, его социальную ценность.

Принципами, лежавшими в основе деятельности такого суда, стали: а) охранительная ориентация правосудия, предполагающая приоритетность прав и интересов подростка, вступившего в противоречие с законом. Соблюдение данного принципа означало конфиденциальность отправления правосудия, обязательное присутствие лиц, представляющих интересы подростка, медицинское освидетельствование, присутствие педагога, преимущественное применение к несовершеннолетним мер воспитания путем помещения их в воспитательно-исправительные заведения и т. п.; б) социальная насыщенность правосудия, выражающаяся в обязательном применении неюридических специальных познаний в судебном процессе; в) максимальная индивидуализация судебного процесса через предоставление суду права самому определять форму и методику ведения процесса, исходя из целей воспитательного воздействия на личность подростка, его индивидуальных особенностей.

В задачу «детского» суда входила не только борьба с подростковой преступностью, принятие мер в отношении беспризорных, но и защита интересов детей. Подростки могли привести в суд родители в случае непослушания, нежелания учиться, работать. Сам подросток также мог обратиться в суд за защитой и помощью. Перед мировым судьей, прежде всего, стояла задача нейтрализовать негативные средовые факторы, вызывающие детскую безнадзорность, беспризорность, криминальность.

Отметим, что репрессивность «детского» суда была значительно ниже, чем в иных судах Империи. Так, за 6 месяцев работы «детского» суда в Петербурге из общего количества 1104 мальчиков, привлеченных к суду, присмотр попечителя был назначен над 667, из присмотра за это время выбыло 307. Причины выбытия: 26,4 % – вынесен оправдательный приговор; 37 % – назначен ответственный надзор; 16,3 % – приговорены к пребыванию в тюрьме; 5 % – помещены в колонию. Количество девочек, находившихся под присмотром – 64, из них 40 уже выбыло; из числа выбывших 28 % и оправданы; 15,6 % – отданы под надзор; 9,3 % – помещены в приют [37, с. 128–129]. Тюремное заключение малолетние отбывали в специальном отделении Царско-сельской тюрьмы. Для сравнения: по данным 1891–1893 гг. из каждой сотни осужденных несовершеннолетних 3,3 % приговаривались общими судами к каторжным работам и на поселение, 55,2 % – в арестантские отделения и в тюрьму, 12,7 % – к аресту, при этом мировые суды за тот же период направили в тюрьму 88,4 % осужденных в возрасте до 17 лет [38, с. 79].

Несмотря на определенный удачный опыт ювенального правосудия, его современность по отношению к популярным в тот период времени идеям, «детские» суды на протяжении нескольких лет (с 1910 года) успели появиться только в крупных городах России: Санкт-Петербурге, Москве, Харькове, Киеве, Одессе, Либаве, Риге,

Томске, Саратове, Варшаве, Екатеринбургe, Екатеринославе, Николаеве, Тифлисе и некоторых других городах [39, с. 84–85; 40, с. 107; 41, с. 2; 42, с. 135; 43, с. 66; 44, с. 104].

Модель отечественного ювенального суда во многом была схожа с современными ему европейскими аналогами. Данный институт, как и совестный суд, был заимствован российской практикой, что было в духе продолжавшейся политики европеизации.

Анализ организации и содержания деятельности «детского суда» в России позволяет отметить преемственность организационно-правовой моделей совестного и ювенального судов. Ювенальный суд также действовал на принципах добровольности: дела с участием несовершеннолетних не только могли, но и часто рассматривались в судах общей юрисдикции (чаще всего при неимении альтернативы в виде «детского» суда); ювенальный судья стремился выносить решения на основании принципов гуманизма и справедливости, как можно дальше оттягивая вынесение приговора путем обращения к институту попечительства и назначения испытательного срока несовершеннолетнему правонарушителю, да и сам приговор ювенального судьи был направлен не на наказание, а на поиск наиболее эффективных способов исправления подростка, в связи с чем тюремное заключение выступало в виде крайней меры, когда все иные методы уже были исчерпаны. Данными возможностями обладал и судья совестного суда, и, как мы видели в приведенных выше примерах, зачастую ими пользовался. Это вполне соответствует такой задаче совестного суда, как «осторожное и милосердное окончание дела». В целом же опыт функционирования отечественного ювенального суда стало проявлением человеколюбия, заботы о подрастающем поколении, беспокойства за судьбу российского общества.

В заключении отметим, что как совестный, так и ювенальный суд были одними из наиболее прогрессивных институтов, в деятельности которых воплощались в жизнь современные для определенного отрезка времени идеалы. Они явились фактором прогресса общественного развития, поскольку принципы их деятельности отражали актуальное на тот момент соотношение закона и справедливости, что в определенной мере отражает проблему соотношения базовых для современного человека категорий права и морали. Это не позволяло им развиваться быстро и повсеместно, поскольку их деятельность не могла быть в полной мере осознана и воспринята широкой общественностью. Что касается преемственности организационно-правовых моделей совестного и ювенального суда, то, исходя из нашего анализа, она несомненна. Наряду с другими институтами XVIII века, в частности, сиротскими судами, совестные суды создали необходимую для специализированного правосудия в отношении несовершеннолетних правоприменительную базу. Последнее делало появление ювенального суда естественным процессом развития отечественного правосудия в эпоху буржуазных реформ XIX века.

Список литературы:

1. Барац Г. М. Очерк происхождения и постепенного затем упразднения в России совестных судов и суда по совести: Историко-юридический этюд / Г. М. Барац. – СПб., 1893. – 40 с.
2. Ефремова Н. Н. Эволюция отечественного правосудия (судебные реформы XVIII – XIX вв.) / Н. Н. Ефремова // Право. Журнал высшей школы экономики. – 2008. – №2. – С. 34–50.

3. Лонская С. В. Мировая юстиция императорской России: идеи и аналоги (XVIII – первая половина XIX века) / С. В. Лонская // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. – 2009. – Вып. 9. – С. 25–33.
4. Самсонов А. А. Судебные органы Новгородской губернии (1727–1917 гг.): историко-правовое исследование: дис. ... к. ю. н. / А. А. Самсонов – Великий Новгород, 2016. – 195 с.
5. Мхитарян Л. Ю. Особенности реформирования судебной системы на Западном Урале во второй половине XIX века: по материалам Пермской и Вятской губерний: дис. ... к. ю. н. / Л. Ю. Мхитарян. – Пермь, 2015. – 230 с.
6. Кольцов М. И. Особенности наказания несовершеннолетних: на примере практики судов Тамбовской области: дис. ... к. ю. н. / М. И. Кольцов – Тамбов, 2007. – 236 с.
7. Авдеева О. А. Сибирь в государственно-правовой системе России: вторая половина XVI – начало XX вв.: дис. ... д. ю. н. / О. А. Авдеева. – Екатеринбург, 2008. – 550 с.
8. Кузнецова Е. В. Мировая юстиция в пореформенной России (1864–1917 гг.): особенности организации в Вологодской губернии: дис. ... к. ю. н. / Е. В. Кузнецова. – М., 2010. – 209 с.
9. Галкин Ю. В. Российская юстиция в XIX-начале XX в.: На материалах Центра и Саратовской губернии: дис. ... к. ю. н. / Ю. В. Галкин. – Саратов, 2003. – 145 с.
10. Абдрахманов А. Ф. Администрация, суд и прокуратура Уфимской губернии в 1865–1917 гг.: дис. ... к. ю. н. / А. Ф. Абдрахманов. – Уфа, 2006. – 184 с.
11. Кошман В. А. Функционирование судебной системы Таврической области / В. А. Кошман // Вестник Российского университета кооперации. – 2017. – № 1(27). – 111–117.
12. Совестный суд Екатерины Великой – история и современный проект: (материалы научно-практической конференции, состоявшейся 16 января 2016 года в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке имени Н. К. Крупской). – Оренбург, 2016. – 48 с.
13. Ключевский В. О. Русская история: полный курс лекций: В 3 кн. / В. О. Ключевский. – М., 1995. – Кн. 3. – 559 с.
14. Старикова Н. В. Совестный суд в судебной системе Екатерины II (по материалам Нижегородской губернии) / Н. В. Старикова // Вестник Мининского университета. – 2013. – № 4.
15. Кульба В. В. Местный суд в Крыму в XVIII–XIX веках / В. В. Кульба // Международный научный журнал «Инновационная наука». – 2017. – № 6. – С. 81–83.
16. Разумов Е. В. Правоприменительная практика совестных судов Российской империи / Е. В. Разумов // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 17. – С. 121–123.
17. Добролюбова Е. А. Медиация в системе способов защиты прав предпринимателей: дис. ... к. ю. н. – М., 2012. – 219 с.
18. Кузнецова Е. В. Мировая юстиция в пореформенной России (1864–1917 гг.): особенности организации в Вологодской губернии: автореф. дис. ... к. ю. н. – М., 2010. – 30 с.
19. Смирнова Я. Б. Становление и развитие института мировых судей в России в свете судебной реформы 1864 года: автореф. дис. ... к. ю. н. / Я. Б. Смирнова. – Ставрополь, 2003. – 27 с.
20. Холодова Е. И. Становление и развитие мировой юстиции России в IX – начале XX вв.: историко-правовое исследование: автореф. дис. ... к. ю. н. / Е. И. Холодова. – Тамбов, 2009. – 23 с.
21. Исакова Т. В. Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: дис. ... к. ю. н. / Т. В. Исакова. – Иркутск, 2009. – 218 с.
22. Архипова Н. О. Теоретико-правовые аспекты формирования ювенальной юстиции в Российской Федерации: автореф. дис. ... к. ю. н. – М., 2011. – 25 с.
23. Учреждения для управления губерний Всероссийской империи. – 14392. – 7 ноября 1775 г. // ПСЗ РИ-I. – Т. 20. 1775–1780. – СПб., 1830.
24. Разумов Е. В. Становление системы совестных судов в Российской империи / Е. В. Разумов // Вестник Чувашского университета. – 2014. – № 3.
25. Указ от 23 августа 1742 г. «О признании малолетними людей обоего пола от рождения до 17 лет; об освобождении таковых в случае тяжких преступлений от пытки и смертной казни и о наказании их, вместо того, батогами и плетьюми, с определением в монастыри для исправления» // ПСЗ РИ-I. – Т. 11. 1742. – СПб., 1830. – №8601.
26. Указ от 18 июля 1744 г. «О наказании преступников малолетних» // ПСЗ РИ-I. – Т. 12. 1744. – СПб., 1830. – № 8996.
27. Указ от 26 июня 1765 г. «О производстве дел уголовных, учиненных несовершеннолетними и о различных наказаниях по степени возраста преступников» // ПСЗ РИ-I. – Т. 17. 1765. – СПб., 1830. – № 12424.

28. Государственный архив Курской области. Ф. 567. Св. 10.
29. Кравченко Я. П. Еволюція правових засобів протидії правопорушуваності неповнолітніх на теренах України (X – початок XX століття). – Одеса, 2016. – 204 с.
30. Свод законов Российской империи. – Т. XV. Законы уголовные. – СПб., 1832.
31. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845.
32. Закон от 5 декабря 1866 г. «Об исправительных приютах» // ПСЗ РИ-II. – Т. 41. 1866. – СПб., 1868. – № 43949.
33. Закон от 2 февраля 1893 г. «О предоставлении исправительным приютам права заключать условия об отдаче выпускаемых воспитанников в наем или обучение» // Собрание узаконений и распоряжений правительства. – 1893. 1 полугодие. – СПб., 1893. – Ст. 300.
34. Закон от 8 февраля 1893 г. «Об изменении порядка заключения и пересылки несовершеннолетних, состоящих под следствием и судом» // Собрание узаконений и распоряжений правительства. – 1893. 1 полугодие. – СПб., 1893. – Ст. 368.
35. Закон от 2 июня 1897 года «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений о их наказуемости» // Собрание узаконений и распоряжений правительства. – 1897. 2 полугодие. – СПб., 1897. – Ст. 915.
36. Закон от 19 апреля 1909 г. «О воспитательных исправительных заведениях для несовершеннолетних» // ПСЗ РИ-III. – Т. 29. 1909. – СПб., 1912. – №31727.
37. Ширяев В. Н. Особые суды для подростков / В. Н. Ширяев // Вопросы права. – 1910. – Кн. 4. – С. 109–146.
38. Николук В. В. Суды для несовершеннолетних: история и опыт их организации / В. В. Николук // Советское государство и право. – 1991. – № 5.- С. 67-73.
39. Тарасова Е. П. Детский суд за границей и в России / Е. П. Тарасова. – М., 1912.
40. Гернет М. Н. Моральная статистика / М. Н. Гернет. – М., 1922.
41. Левитский В. М. Суд несовершеннолетних в Киеве / В. М. Левитский. – Киев, 1915.
42. Беляева Л. И. Отечественный опыт правосудия в отношении несовершеннолетних (начало XX в.) / Л. И. Беляева // Журнал российского права. – 2003. – № 1.
43. Беляева Л. И. Ювенальная юстиция: история и современность / Л. И. Беляева // Преподавание ювенального права и ювенальной юстиции в российских вузах: Материалы семинара. – М., 2000.
44. Завражин С. А. Детские суды в Российской империи / С. А. Завражин // Педагогика. – 1995. – № 3.

Harseeva O. V. Conscientious courts in the history of juvenile justice of imperial Russia // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – Т. 4 (70). № 2. – P. 330–342.

The article reveals the organizational and legal foundations of the functioning of conscientious and juvenile courts in the Russian Empire of the XVIII - XIX centuries: the regulatory and legal framework, the purpose, objectives, principles of organization and activities, composition. The conclusions are based on the analysis of the law-enforcement practice of the Taurian conscientious court, the Kursk sovestny court, the Kherson conscientious court, and the Volyn conscientious court. The author claims that the principles underlying the conscientious justice fully reflected the philosophy of the Enlightenment: the notion of "justice" was interpreted not as an idea of the justice of the population of a specific locality, but was universal; the principle of "mercy" in relation to the accused juveniles was violated by the supreme authority, which confirmed the sentences of this court; the attitude of the population towards conscientious justice was ambiguous. Nevertheless, the conscientious courts created the law enforcement base necessary for specialized juvenile justice, which made the emergence of juvenile court a natural process of bourgeois transformations of the XIX century. The basic principles of the domestic juvenile court: humanism, justice, the approach to solving the fate of a minor, were similar to conscientious justice, which indicates the continuity of their organizational and legal models.

Keywords: conscientious court, judicial reform, juvenile justice, court in the province, Taurian province, Kursk province.

Spisok literatury:

1. Barac G. M. Oчерк proiskhozhdeniya i postepennoгo zatem uprazhneniya v Rossii sovestnyh sudov i suda po sovesti: Istoriko-yuridicheskij etyud. – SPb., 1893. – 40 s.

2. Efremova N. N. Evolyuciya otechestvennogo pravosudiya (sudebnye reformy XVIII – XIX vv.) // Pravo. Zhurnal vysshej shkoly ekonomiki. 2008. №2. S. 34–50.
3. Lonskaya S. V. Mirovaya yusticiya imperatorskoj Rossii: idei i analogi (XVIII – pervaya polovina XIX veka) // Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta. 2009. Vyp. 9. S. 25–33.
4. Samsonov A. A. Sudebnye organy Novgorodskoj gubernii (1727-1917 gg.): istoriko-pravovoe issledovanie: Dis. ... k.yu.n. – Velikij Novgorod, 2016. – 195 s.
5. Mhitaryan L. Yu. Osobennosti reformirovaniya sudebnoj sistemy na Zapadnom Urale vo vtoroj polovine XIX veka: po materialam Permskoj i Vyatskoj gubernij: Dis. ... k.yu.n. – Perm', 2015. – 230 s.
6. Kol'cov M. I. Osobennosti nakazaniya nesovershennoletnih: na primere praktiki sudov Tambovskoj oblasti: Dis. ... k.yu.n. – Tambov, 2007. – 236 s.
7. Avdeeva O. A. Sibir' v gosudarstvenno-pravovoj sisteme Rossii: vtoraya polovina XVI – nachalo XX vv.: Dis. ... d.yu.n. – Ekaterinburg, 2008. – 550 s.
8. Kuznecova E. V. Mirovaya yusticiya v poreformennoj Rossii (1864-1917 gg.): osobennosti organizacii v Vologodskoj gubernii: Dis. ... k.yu.n. – M., 2010. – 209 s.
9. Galkin Yu. V. Rossijskaya yusticiya v XIX-nachale XX v.: Na materialah Centra i Saratovskoj gubernii: Dis. ... k.yu.n. – Saratov, 2003. – 145 s.
10. Abdrahmanov A. F. Administraciya, sud i prokuratura Ufimskoj gubernii v 1865-1917 gg.: Dis. ... k.yu.n. – Ufa, 2006. – 184 s.
11. Koshman V.A. Funkcionirovanie sudebnoj sistemy Tavricheskoj oblasti // Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii. – 2017. – № 1(27). С. 111–117.
12. Sovestnyj sud Ekateriny Velikoj – istoriya i sovremennij proekt: (materialy nauchno-prakticheskoi konferencii, sostoyavshejsya 16 yanvarya 2016 goda v Orenburgskoj oblastnoj universal'noj nauchnoj biblioteke imeni N. K. Krupskoj). – Orenburg, 2016. – 48 s.
13. Klyuchevskij V. O. Russkaya istoriya: polnyj kurs lekcij: V 3 kn. – M., 1995. – Kn. 3. – 559 s.
14. Starikova N. V. Sovestnyj sud v sudebnoj sisteme Ekateriny II (po materialam Nizhegorodskoj gubernii) // Vestnik Mininskogo universiteta. – 2013. – № 4.
15. Kul'ba V. V. Mestnyj sud v Krymu v XVIII – XIX vekah // Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal «Innovacionnaya nauka». – 2017. – № 6. – S. 81-83.
16. Razumov E. V. Pravoprimeritel'naya praktika sovestnyh sudov Rossijskoj imperii // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2014. – № 17. – S. 121-123.
17. Dobrolyubova E. A. Mediaciya v sisteme sposobov zashchity prav predprinimatelej: Dis. ... k.yu.n. – M., 2012. – 219 s.
18. Kuznecova E. V. Mirovaya yusticiya v poreformennoj Rossii (1864-1917 gg.): osobennosti organizacii v Vologodskoj gubernii: Avtoref. dis. ... k.yu.n. – M., 2010. – 30 s.
19. Smirnova Ya. B. Stanovlenie i razvitie instituta mirovyh sudej v Rossii v svete sudebnoj reformy 1864 goda: Avtoref. dis. ... k.yu.n. – Stavropol', 2003. – 27 s.
20. Holodova E. I. Stanovlenie i razvitie mirovoj yusticii Rossii v IX – nachale XX vv.: istoriko-pravovoe issledovanie: Avtoref. dis. ... k.yu.n. – Tambov, 2009. – 23 s.
21. Isakova T. V. Proizvodstvo po ugolovnym delam v otnoshenii nesovershennoletnih: Dis. ... k.yu.n. – Irkutsk, 2009. – 218 s.
22. Arhipova N. O. Teoretiko-pravovye aspekty formirovaniya yuvenal'noj yusticii v Rossijskoj Federacii: Avtoref. dis. ... k.yu.n. – M., 2011. – 25 s.
23. Uchrezhdeniya dlya upravleniya gubernij Vserossijskoj imperii. – 14392. – 7 noyabrya 1775 g. // PSZ RI-I. – T. 20. 1775-1780. – SPb., 1830.
24. Razumov E. V. Stanovlenie sistemy sovestnyh sudov v Rossijskoj imperii // Vestnik Chuvashskogo universiteta. – 2014. – № 3.
25. Ukaz ot 23 avgusta 1742 g. «O priznanii maloletnimi lyudej oboego pola ot rozhdeniya do 17 let; ob osvobozhdenii takovyh v sluchae tyazhkih prestuplenij ot pytki i smertnoj kazni i o nakazanii ih, vmesto togo, batogami i plet'mi, s opredeleniem v monastyri dlya ispravleniya» // PSZ RI-I. – T. 11. 1742. – SPb, 1830. – №8601.
26. Ukaz ot 18 iyulya 1744 g. «O nakazanii prestupnikov maloletnih» // PSZ RI-I. – T. 12. 1744. – SPb., 1830. – № 8996.
27. Ukaz ot 26 iyunya 1765 g. «O proizvodstve del ugolovnyh, uchinennyh nesovershennoletnimi i o razlichnyh nakazaniyah po stepeni vozrasta prestupnikov» // PSZ RI-I. – T. 17. 1765. – SPb., 1830. – № 12424.
28. Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti. F. 567. Sv. 10.

29. Kravchenko Ya. P. Evolyuciya pravovih zasobiv protidii pravoporushuvanosti nepovnolitnih na terenah Ukraini (H – pochatok HH stolittya). – Odesa, 2016. – 204 s.
30. Svod zakonov Rossijskoj imperii. – T. XV. Zakony ugodovnye. – SPb., 1832.
31. Ulozhenie o nakazaniyah ugodovnyh i ispravitel'nyh. SPb., 1845.
32. Zakon ot 5 dekabrya 1866 g. «Ob ispravitel'nyh priyutah» // PSZ RI-II. – T. 41. 1866. – SPb., 1868. – № 43949.
33. Zakon ot 2 fevralya 1893 g. «O predostavlenii ispravitel'nym priyutam prava zaklyuchat' usloviya ob otdache vypuskaemyh vos-pitannikov v naem ili obuchenie» // Sobranie uzakonenij i ras-poryazhenij pravitel'stva. – 1893. 1 polugodie. – SPb., 1893. – St. 300.
34. Zakon ot 8 fevralya 1893 g. «Ob izmenenii poryadka zaklyucheniya i peresytki nesovershennoletnih, sostoyashchih pod sledstviem i su-dom» // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva. – 1893. 1 polugodie. – SPb., 1893. – St. 368.
35. Zakon ot 2 iyunya 1897 goda «Ob izmenenii form i obryadov sudoproizvodstva po delam o prestupnyh deyaniyah maloletnih i nesovershennoletnih, a takzhe zakonopolozhenij o ih nakazuemosti» // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva. – 1897. 2 polugodie. – SPb., 1897. – St. 915.
36. Zakon ot 19 aprelya 1909 g. «O vospitatel'nyh ispravitel'nyh zavedeniyah dlya nesovershennoletnih» // PSZ RI-III. – T. 29. 1909. – SPb., 1912. – №31727.
37. Shiryayev B. H. Osobyje sudy dlya podrostkov // Voprosy prava. – 1910. – Kn. 4. – S. 109-146. S. 122 S. 128-129.
38. Nikoljuk B. B. Sudy dlya nesovershennoletnih: istoriya i opyt ih organizacii // Sovetskoe gosudar-stvo i pravo. – 1991. – № 5.
39. Tarasova E. P. Detskij sud za granicej i v Rossii. – M., 1912.
40. Gernet M. N. Moral'naya statistika. M, 1922.
41. Levitskij B.M. Sud nesovershennoletnih v Kieve. – Kiev, 1915.
42. Belyaeva L. I. Otechestvennyj opyt pravosudiya v otnoshenii nesovershennolet-nih (nachalo XX v.) // Zhurnal rossijskogo prava. – 2003. – № 1.
43. Belyaeva L. I. Yuvenal'naya yusticiya: is-toriya i sovremennost' // Prepodavanie yuvenal'nogo prava i yuvenal'noj yusticii v rossijskih vuzah: Materialy seminaru. – M., 2000.
44. Zavrazhin S.A. Detskie sudy v Rossijskoj imperii // Pedagogi-ka. – 1995. – №3.